

Максим Горький

О Михайловском

Максим Алексеевич Горький

О Михайловском

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=640385

Аннотация

«До этой встречи я знал Николая Константиновича только по портретам. Теперь он показался мне не похожим и на портреты и вообще на русского человека. В его небольшом, ладном теле, в нервных, но мягких и красивых движениях чувствовалась нерусская живость духа и гармоничность его. Он измерял меня ласковым взглядом немножко насмешливых глаз, как боец, его манера говорить выдавала в нём человека, привычного к словесным дуэлям. Иногда его взгляд как бы ослеплял блеском какой-то острой, невесёлой мысли. От него веяло нервной силой, возбуждавшей меня...»

Максим Горький

О Михайловском

Пошёл к Н. К. Михайловскому, – он встретил меня ласково и весело:

– Вот вы какой! А кто-то говорил мне, что вы похожи на Степана Разина, и, кажется, Тан написал вам письмо стихами, предлагая разделить Стенькину участь, – написал?

– Написал.

– Он хороший человек, много лучше его стихов. Вы не хотите, вероятно, чтоб вас четвертовали? Но – кажется, уже начали растягивать по партиям? Марксист?

Я сказал:

– Нет, не марксист, но, по натуре моей, склоняюсь в ту сторону, где чувствую больше активного отношения к жизни.

– Гм? А у народников вы не чувствуете этой активности?

До этой встречи я знал Николая Константиновича только по портретам. Теперь он показался мне не похожим и на портреты и вообще на русского человека. В его небольшом, ладном теле, в нервных, но мягких и красивых движениях чувствовалась нерусская живость духа и гармоничность его. Он измерял меня ласковым взглядом немножко насмешливых глаз, как боец, его манера говорить выдавала в нём человека, привычного к словесным дуэлям. Иногда его взгляд

как бы ослеплял блеском какой-то острой, невесёлой мысли. От него веяло нервной силой, возбуждавшей меня.

Я начал рассказывать ему о вечере, Поссе, о всей этой неясной, опечалившей меня борьбе. Он, слушая внимательно, часто восклицал:

– Да? Так. Ого?

Говорил я о том, что среди интеллигенции, куда я поднялся не без тяжёлых усилий, я ожидал встретить иные нравы, иное отношение друг ко другу, больше внутренней сплочённости, больше взаимного уважения, дружбы и сердечности.

– Всё слова, вышедшие из употребления, старинные слова, – усмехаясь, вставил Михайловский в мою возбуждённую речь.

Говорил я о том, как огромна и тяжела деревня, как она слепа и недоверчива ко всему, что творится вне узкого круга её прямых интересов, что интеллигенции в стране отчаянно мало и за пределами крупных городов её влияния не чувствуется, значение её – непонятно.

Он, видимо, был тронут, мне показалось, что его глаза влажны, когда он заговорил с ласковой насмешкой:

– Эге, батенька, да вы – идеалист и едва ли не романтик! И совсем не такой грубиян, как говорят о вас! Вас, очевидно, встречают по одежке ваших мыслей, – а вы одеваете их не модно, торопливо, да и грубовато немножко...

Потом решительно заявил, что откажется от участия на вечере, если Поссе устранят, и спросил: что я намерен пи-

сать?

Я рассказал ему план книги «Мужик» – полуфантастическую историю карьеры архитектора из крестьян.

– Час от часу не легче! – воскликнул он, удивлённо разведя руками. – Про него говорят – марксист, а он собирается писать какую-то апологию буржуа! Среду-то эту, купечество, вы хорошо знаете?

Тип героя-«мужика» лепился у меня довольно ясно и прочно из моего знакомства с культурной работой Милютина, череповецкого головы, и моих наблюдений над жизнью поволжских городов.

– Может быть, это будет интересно, – Николай Константинович недоверчиво пожал плечами, – во всяком случае – оригинально. Буржуй как положительный тип – вы это будете печатать в марксистской «Жизни»? Тоже оригинально!

Засмеялся и потом сказал серьёзно:

– А вы бы попробовали написать роман из жизни наших революционеров. Вы симпатизируете людям сильной воли, – сильнее и ярче этих людей вы не найдёте в русской жизни!

С глубоким чувством любви к бойцам и волнующе подчёркивая драму их жизни, он заговорил о ничтожной – количественно – группе людей, которые хотели взорвать трон Романовых. Говорил страстно, образно, как поэт, задыхаясь от волнения и как-то вздрагивая всем телом.

Его очень утомила эта речь; посидев ещё несколько минут, я встал.

– Хотите идти? Принято, чтоб старые литераторы напутствовали молодых. Я – вдвое старше вас. Вы мне понравились, и я хочу вас обнять, – это и будет моим напутствием...

Тут разыгралась одна из наиболее странных и трогательных сцен, пережитых мною...

Потом, крепко поцеловав друг друга, мы расстались, не сказав ни слова более.

Я видел этого человека не более трёх-четырёх раз, – с каждым разом он становился мне всё более дорог и близок, но, в суете жизни, мне не пришлось уже говорить с ним один на один.

В мою «честь» был устроен обед в редакции «Жизни», различные люди говорили обязательные в таких случаях речи. Н. К. Михайловский сидел рядом со мною и, тыкая меня большим пальцем под рёбра, увещевал:

– Отвечайте же, сударь! Вам наложили целую поленницу комплиментов, – надо отвечать! Ну – кураж!

Я не умею говорить речей. Церемония обеда была убийственно скучна, едоки чувствовали себя нелепо, некоторые из них поглядывали на меня явно враждебно, насмешливо. Я сказал Николаю Константиновичу, что это мешает мне дышать.

– Привыкайте, – шутливо-строго сказал он вполголоса. – Ничего, так и следует. Было бы наивно думать, что ваш успех – всем приятен.

Потом я был у него на именинах или в день рождения, –

не помню. Великолепно настроенный, Николай Константинович остроумно шутил, отвечал сразу на десяток вопросов, обращённых к нему, удивляя меня юношеской живостью.

Но – рядом со мною сидел П. Ф. Мельшин-Якубович и портил мне жизнь.

– Вы читаете «Искру»? – спрашивал он. – Читаете. Так. А я – жгу, когда она попадает в руки мне. Жгу.

Я впервые видел его и думал – вот фанатик! Потом оказалось, что это обыкновенный русский человек, добродушный и мягкий, несмотря на то, что жизнь ковала его тяжким молотом. Но в этот [день] он был почему-то крайне свирепо настроен против Маркса, марксистов, Струве и всё дудел в ухо мне жестокие слова, не позволяя слушать, что говорил Михайловский. А он говорил что-то интересное, возражая Н. Карееву и Н. Ф. Анненскому.

– Нет, – слышал я отрывки его горячей речи, – надобно опуститься как-то ниже философии культуры к философии быта, – к самому обыкновенному содержанию текущего дня, и тогда, может быть, обнаружится...

Мельшин, дёргая меня за рукав, спрашивал – знаю ли я его переводы стихов Бодлера?

Я – знал. И, судя по этим переводам, заключил, что Бодлер был весьма неуклюжий стихотворец.

– Странно, – сказал Мельшин. – По-моему – Бодлер должен бы нравиться вам...

А Михайловский говорил кому-то весело и громко:

– Я нажил сердце, которое обеспечивает мне быструю и безболезненную смерть...

В суете праздника я так и не нашёл удобной минуты спросить Николая Константиновича – что именно должно «обнаружиться»?

Вскоре я уехал. А в следующий приезд помогал нести гроб Михайловского на Волково кладбище.